

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ
г. Москва

13 ДЕК 1988

● 13 ДЕКАБРЯ «ЛЕНИНСКО

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Сегодня народному артисту СССР Р. Я. Плятту исполняется 80 лет.

НОГДА осенью 1926 года Ростислав Плятт пришел «экзэменоваться» в Московский Художественный театр, его не приняли «по молодости лет и полной неспособности». И все же, наверно, в нем — 17-летнем пареньке, долговязом, угловатом и нескладном — чувствовалась какая-то скрытая сила таланта, которая тронула и заинтересовала Юрия Завадского, ученика Станиславского, впоследствии долгие годы возглавлявшего Театр имени Моссовета, а тогда руководившего небольшой театральной студией. Он поверил в артистическое будущее молодого человека, безжалостно отвергнутого корифеями МХАТа, и принял его в ряды своих студийцев...

С тех далеких осенних дней минуло более 60 лет. Сегодня актер Ростислав Янович Плятт — легендарная фигура, живая страница истории советского театра. За плечами у него долгий и плодотворный творческий путь, великое множество ролей, в том числе и в кино, сделавших его популярным настолько, что у любого зрителя, пожалуй, при одном только упоминании его имени в воображении сразу возникает Плятт. Всякий раз свой, особенный — юмористический, почти по-детски наивный или блистательно остроумный и метко язвительный, трогательный и добродушный или собранно-вдумчивый и серьезный. И неизменная черта любого из этих образов — интеллигентность, высокая внутренняя культура, доброжелательность.

За свою творческую жизнь Плятт переиграл, наверное, во всех театральных жанрах — в комедиях, фарсах, водевилях, лирических драмах, трагедиях, философских притчах. В списке сыгранных им ролей — чеховский Войничий и Цезарь из пьесы Шоу «Цезарь и Клеопатра», Мурзавецкий из «Волков и овец» Островского и Крогстад в ибсеновской «Норе», фон Ранкен из пьесы Андреева «Дни нашей жизни» и Шоу в «Милом лжеце» Джона Килти, Раевич из «Шторма» Билль-Белоцерковского, Федор Карамазов из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Последний посетитель из одноименной пьесы Дозорцева и многие-многие другие герои. Даже трудно себе представить, что столь разные по амплуа, непохожие друг на друга роли мог сыграть один и тот же артист. А Плятт играл, причем блестяще.

— Ростислав Янович, могли бы вы назвать самые любимые из огромного множества сыгранных вами ролей?

— Всего не перечислишь. Все роли любимы — каждая по-своему.

— А есть у вас несыгранные роли, о которых мечталось?

— Есть, конечно. Но, впрочем, все мои роли — и сыгранные, и несыгранные — уже в прошлом. Что его ворошить...

— Вы более 60 лет служите театру. Вам приходилось работать с прославленными мастерами советской сцены. Кого вы можете назвать из тех, кто оставил наиболее яркое и сильное впечатление?

— Юрия Александровича Завадского, моего учителя. Помню, во время первой же нашей встречи, минутной, незначительной, мною овладело какое-то необъяснимое праздничное настроение. Потом мы много лет работали вместе, много пережили — и хорошего, и дурного, были и незабываемые удачи, и унылые пустых сезонов, но вот

это первое ощущение — ожидание творческих радостей от работы с ним — осталось навсегда.

Казалось бы, Завадский был создан для того, чтобы быть режиссером-диктатором: врожденная сценичность, безупречный вкус, безудержная фантазия на мизансцены, наконец, умение великолепно показывать. Но все это было подчинено главному: умению догадаться о скрытых возможностях актера, умению раскрывать и выявлять их. Завадский никогда не фантазировал «отдельно» от индивидуальности исполнителя...

— Ростислав Янович, а что бы вы могли сказать о театре сегодня?

— Я, пожалуй, присоединюсь к тем, кто упрекает его за практическое отсутствие спектаклей, берущих за душу. На сцене сейчас преобладает публицистика, и это соответствует духу времени, духу тех радикальных преобразований, свидетелями которых являемся мы все. Перестройка касается всех сфер нашей жизни, и искусство театра — не исключение. Но ведь публицистика больше обращена к разуму человека, а люди хотят еще и волноваться, и сострадать героям, и переживать с ними их радости и тревоги...

Раньше режиссеры, да и мы, актеры, жаловались на отсутствие свободы в выборе репертуара, на тягующую необходимость согласовывать принимаемые в работу произведения с вышестоящими организациями. Теперь нам дана полная свобода. Но ведь именно теперь и возросла наша ответственность за то, с чем мы выходим к зрителю, что несем ему со сцены. И, на мой взгляд, острота и злободневность тематики в современных пьесах и спектаклях нередко становятся самоцелью, а эмоциональное воздействие на зрителей отступает на второй план. А жаль...

— А каким вам видится завтрашний день театра? Ведь не секрет, что сейчас налицо некоторое падение интереса зрителей к театральному искусству. Раздаются даже скептические голоса, предсказывающие, что театр не выдержит конкуренции с кино, телевидением и продукцией видеорынка и что дни его сочтены...

— О нет, я убежден, что театр не умрет никогда! Каким он будет завтра, не знаю: возможно, появятся какие-то невероятные материалы для декораций, пьесы необычной формы, которые потребуют неожиданного сценического прочтения... Не знаю... Но уверен я в одном: вечно новым, способным удивлять и потрясать может оказаться только одно — высокое искусство актера, его жизнь в образе, трепет его души. Словом, те мгновения актерского вдохновения, ради которых и существует театр. Ведь ни в кино, ни на экране телевизора зритель не увидит живого актера, творящего сегодня, сейчас, здесь. Такое искусство возможно только в театре. И ради встречи с таким искусством зритель, я уверен, не изменит сцене никогда...

Последний сезон Ростислав Плятт уже не выходит на сцену и не снимается в кино — подводит здоровье. Но Плятт, как и прежде, жизнерадостен, остроумен, ироничен; как и прежде, горячо интересуется всеми новостями театральной жизни.

Н. ПИВОВАРОВА.
(АПН).